

Коммунизмъ Божественный *)

I.

Путь Августина, ѣхавшаго изъ Милана въ Римъ, въ 387 году, креститься, шель по дремуче-лѣснымъ холмамъ и долинамъ Умбрин, не минуя, вѣроятно, и той долины у подножья Ассизской горы, гдѣ въ глухомъ скиту Портіонкулъ (имя это, отъ двухъ латинскихъ словъ: *portio* и *cella terreni*, значигь «Кусочекъ», «Частица землѣ»), сплелись, въ четырехъ бѣдныхъ, сплетенныхъ изъ древесныхъ вѣтвей, мазанныхъ глиной и крытыхъ соломой, хижинахъ-кельяхъ, четыре старца, посланныхъ изъ Св. Земли въ Италію, съ драгоценнымъ даромъ св. Кирилла папѣ Либерію — частью Святѣйшаго гроба Матери Божьей. Тутъ же, въ дремучемъ лѣсу, находилась и малая, шагговъ десять въ длину, семь въ ширину, почти такая же, какъ тѣ лѣсныя хижины, бѣдная церковка, гдѣ хранили старцы великую святыню.

Церковка эта, хотя и полуразвалившаяся, уцѣлѣла, такъ же, какъ имя скита, «Портіонкула», отъ дней Августина до дней Франциска, отстроившаго ее своими руками заново. Жители окрестныхъ горъ и долинъ, простые, бѣдные люди, пастухи, дровосѣки и угольщики, вѣрили, что Ангелы, сходя въ нее съ неба, по ночамъ, поютъ, возвѣщая людямъ великую радость здѣсь, въ Портіонкулѣ, такую же, какъ тамъ, въ Виолеемѣ. «Вотъ почему дано той церкви имя: «Богоматерь Ангеловъ», — вспоминаегь легенда св. Франциска Ассизскаго. Въ долгую-долгую ночь царства, Ангелы пѣли и здѣсь, въ Портіонкулѣ, такъ же, какъ тамъ, въ Виолеемѣ, въ зимнюю ночь Рождества, возвѣщая людямъ солнце великой радости: тамъ, въ ясляхъ, на соломѣ, въ нищетѣ и наготѣ, родился Сынъ Божій; а здѣсь, въ такой-же наготѣ и нищетѣ, царство Божіе родится.

И то, что возвѣщали Ангелы, исполнилось: черезъ восемь вѣковъ, родился св. Францискъ, на Ассизской горѣ и основалъ

*) Изъ книги «Св. Францискъ Ассизскій».

въ долину у подножья горы, въ Портіонкулѣ, первую обитель Нищихъ Братъевъ, которой суждено было слѣзаться «главою и матерью» безчисленныхъ, разсыянныхъ по всему лицу христіанскаго міра, такихъ-же обителей «Мѣста этого, братья, не покидайте никогда: свято оно!» -- скажетъ Францискъ, умирая.

Истинно, Господь присутствуетъ на мѣстѣ семъ .. Это не иное что, какъ Домъ Божій — Врата Небесныя, — могъ бы сказать Францискъ, видя, что здѣсь, въ церковкѣ Маріи Ангеловъ, исполнился древній сонъ Іакова:

лѣстница стоитъ на землѣ, а верхъ ея касается неба, и Ангелы Божіи восходятъ и нисходятъ на ней (Быт., 28, 12-17); Здѣсь же, въ Портіонкулѣ, исполнилось и слово Господне:

будете отнынѣ видѣть небо отверстымъ и Ангеловъ Божіихъ, восходящихъ и нисходящихъ къ Сыну Человѣческому (Іо., I, 50).

Если вора Блаженствъ, гдѣ было сказано: «блаженны нищіе», — первая, на землѣ, точка царства Божія, а вторая — гора Хлѣбовъ, гдѣ слѣламы были нищие блаженными, то третья точка — здѣсь, въ Портіонкулѣ, гдѣ это снова было сказано и слѣлано такъ, какъ нигдѣ, никогда, за двадцать вѣковъ христіанства.

Если бы зналъ Августинъ, что это будетъ; что отсюда, изъ этой «Частицы Земли», «Портіонкулы», — третьей на землѣ точки, — людямъ суждено, черезъ восемь вѣковъ, снова устремиться къ его, Августинову, «Граду Божію», то, можетъ быть, проѣзжая Портіонкулу, онъ сошелъ бы съ коня, снялъ обувь съ ногъ своихъ, какъ Моисей, при Купинѣ, преклонилъ бы колѣна и поцѣловалъ, плача отъ радости, эту Святую Землю.

II.

«Утренней звѣздой» назоветъ св. Франциска легенда.

«Міру новое солнце здѣсь родилось», — скажетъ Данте.

Такъ же, какъ тамъ, въ Вифлеемѣ, надъ яслями Бога Младенца, — путеводная звѣзда волхвовъ, засіяетъ и здѣсь, въ Портіонкулѣ, утренняя звѣзда Франциска, возвѣщая людямъ, послѣ долгой ночи — Варварства, солнце новаго дня — Возрожденія.

Первая вѣстница ночи, Звѣзда Вечерняя, — св. Августинъ; первая вѣстница дня, Утренняя Звѣзда, — св. Францискъ. Умирая въ лучахъ восходящаго солнца, играетъ она, перетивается

всѣми цвѣтами радуги. Какъ бы играя, «съ пѣсню, умерь», — «пѣль, умирая», — скажетъ о Францискѣ легенда; можно бы сказать: «съ пѣсню жить и умерь»; живя и умирая, пѣль, игралъ, какъ утренняя звѣзда въ лучахъ восходящаго солнца.

III.

Небо «Утренней Звѣзды», Франциска, — XIII-й вѣкъ.

Чтобы понять душу человѣка, надо войти въ душу времени, въ которое жилъ человѣкъ. Но въ душу людей XIII-го вѣка очень трудно, почти невозможно, войти людямъ XX-го вѣка, потому что тѣ для этихъ, какъ обитатели нижней гемисферы, на старинныхъ географическихъ картахъ земного шара, — «антиподы», «люди, ходящіе внизъ головой»: все, что у тѣхъ, — «наоборотъ» всему, что у этихъ; потому что тѣ для этихъ, какъ тотъ «акробатъ», «жонглёръ» Парижской Богоматери, который хожденіемъ на головѣ передъ изваяніемъ Царицы Небесной такъ утѣшилъ ее и весь Ангельскій сонмъ, что, будучи великимъ грѣшникомъ, спасся.

Но обитателямъ верхней гемисферы, прежде, чѣмъ судить обитателей нижней, надо бы вспомнить, что «вверхъ» и «низъ», въ смыслѣ космическомъ и метафизическомъ, относительны, такъ что, если бы люди XIII-го вѣка могли увидѣть насъ, людей XX-го вѣка, то, можетъ быть, и мы показались бы имъ «ходящими внизъ головой», «безумствующими»; а кто дѣйствительно безумствуетъ, это еще вопросъ, на который мы уже отчасти отвѣтили такимъ безумнымъ дѣломъ, какого, во всякомъ случаѣ, не могло быть въ XIII-мъ вѣкѣ, — Великой Войной, и готовимся, можетъ быть, отвѣтить еще большимъ безуміемъ — будущей Войной.

Но, если бы мы поняли первое, сказанное людямъ, слово Господне: «обратитесь», на греческомъ языкѣ, *strafete*, что значитъ: «перевернитесь», «опрокинитесь»; и другое, «незаписанное» слово Господне:

если вы не слѣзаете... вашего верхняго нижнимъ, и нижняго — верхнимъ, то не войдете въ царство Мое;

если бы поняли и слово рабби Юзія Бенъ-Леви, Иудейскаго книжника времянь Иисуса: «царство Божіе есть опрокинутый чиръ»; если бы мы все это поняли, то, можетъ быть, узнали бы, что намъ нужно слѣзать, чтобы войти въ душу людей XIII-го вѣка — увидѣть небо «Утренней Звѣзды» — Франциска.

IV.

Лучшіе люди тѣхъ дней, ученики св. Франциска, — «люди духа», какъ сами себя называютъ они, а лучшіе изъ лучшихъ могли бы назвать себя «людьми Духа Святого»; люди же XX-го вѣка, если не лучшіе, то и не худшіе, — «люди вещества», «матеріалисты», какъ тоже сами себя называютъ они, а худшихъ можно бы назвать «людьми Духа Нечистаго»: вотъ одинъ изъ двухъ очевиднѣйшихъ признаковъ нашей съ людьми XIII-го вѣка, «антиподности», «обратности», а другой, столь же очевидный, то, что въ планетно-круговомъ движеніи человечества по орбитѣ всемірной исторіи, крайняя точка приближенія къ солнцу — Христу, перигэлій, достигнута, послѣ двухъ первыхъ вѣковъ христіанства, въ XIII-мъ вѣкѣ, а точка отдаленія, такая же крайняя, апогэлій, — въ XX-мъ вѣкѣ.

Крайности сходятся: въ этихъ двухъ столь противоположныхъ вѣкахъ, двухъ полушарьяхъ земли, одинъ и тотъ же центръ земнои притяженія, вокругъ котораго движемся, ходимъ мы, какъ намъ кажется «вверхъ головой», а люди XIII-го вѣка, «головою внизъ», — этотъ единый центръ—С о б с т в е н н о с т ь, какъ первый и послѣдній вопросъ: быть или не быть человечеству? Мы и они отвѣчаемъ на этотъ вопросъ, хотя и въ противоположнѣйшихъ смыслахъ, но съ одинаково-безповоротной рѣшимостью; разгадываемъ для насъ и для нихъ одинаково-роковую задачу: что такое Собственность, — высшее ли благо, или крайнее зло? утвержденіе или отрицаніе человеческого общества и личности? нужно ли раздѣленіе на «мое» и «твое», или ненужно; «разумно», или «безумно», говоря на языкѣ XX-го вѣка, а на языкѣ XIII-го: «свято» или «грѣшно»? нужно ли «раздать все, что имѣешь», чтобы спастись, или ненужно; «блаженны ли нищіе, или несчастны», говоря опять-таки на томъ языкѣ, а на этомъ: «частная ли собственность или общая»? «капитализмъ» или «коммунизмъ»?

Смѣшивать два «коммунизма», — нашъ и XIII-го вѣка, — все равно, что смѣшивать невинную дѣвушку съ блудницей, дѣтскую улыбку св. Франциска — съ дряхлой усмѣшкой Ленина, утреннюю звѣзду — съ тускло-свѣтящей гнилушкой.

Но не случайно, конечно, основное понятіе, въ этихъ двухъ «коммунизмахъ», выражается однимъ и тѣмъ же словомъ «коммуна», «община», очень древнимъ, идущимъ отъ первой Апостольской Общины, а можетъ быть, и отъ самого ея божественнаго Основателя.

Всѣ же вѣрующіе имѣли все общее. И пролавали имѣние (свое) и всякую собственность, и раздѣляли всѣмъ (поравну), смотря по нуждѣ каждаго... Было же у нихъ одно сердце и одна душа (Д. А., 2, 44-45).

«Общее», во латыни *communis*, — вотъ какъ-будто одна и тотъ же центръ земного притяженія въ обоихъ противоположныхъ полушарьяхъ земли, — въ обоихъ вѣкахъ, XX-мъ и XIII-мъ; какъ будто одна движущая воля въ этихъ двухъ столь противоположныхъ «коммунизмахъ». Но, если бы мы поняли, что значитъ слово «вѣрующіе», въ томъ свѣдѣтельствѣ Дѣяній Апостоловъ «имѣли все общее», — то мы увидѣли бы, что нѣ этихъ двухъ «коммунизмахъ» — не одна, а двѣ воли, непримиримыя, какъ жизнь и смерть, какъ абсолютное «да» и абсолютное «нѣтъ». Воля, заключенная въ этомъ одномъ словѣ: «вѣрующіе», и есть тотъ Архимедовъ рычагъ, которымъ все «прокидывается», «переворачивается», такъ, что ходящій какъ будто «вверхъ головой» оказывается ходящимъ «головою внизъ», и наоборотъ, по слову рабби Йозія Бенъ-Леві: «дарство Божіе есть опрокинутый міръ».

Здѣсь-то, между двумя вѣками, — можетъ быть, уже не нашимъ и XIII-мъ, а нашимъ и какимъ-то будущимъ, — и совершается всемірный переворотъ, «всемірная революція», по-вашему, но совѣтъ не та, которой ждетъ коммунизмъ XX-го вѣка, а гораздо болѣе похожая на ту, которой ждалъ «коммунизмъ» XIII-го вѣка.

V.

Вся жизнь Града Божія будетъ общинной, *socialis*; «личнымъ» владѣть, значитъ владѣть чужимъ; «общая собственность» — законъ божественный, частная — законъ человѣческій» вотъ путеводная нить, по которой идетъ св. Августинъ ко «Граду Божію», въ V-мъ вѣкѣ, а въ XIII-мъ, — почитать ее и пошелъ по ней дальше св. Францискъ.

Двухъ болѣе противоположныхъ свѣтыхъ, чѣмъ эти, трудно себѣ и представить. Что такое «восхищеніе», «экстазъ», Августинъ какъ будто вовсе не знаетъ, а Францискъ, можно сказать, ничего не знаетъ, кромѣ этого: Богъ для Августина — въ «разумѣ», а для Франциска — въ «безуміи»; тотъ распятъ на крестѣ мысли, а этотъ, — на крестѣ чувства. Только въ одномъ, — въ утвержденіи «противособственности», «общности имѣнія», — «блаженнаго нищенства», — сходятся оба. Къ свя-

лости начинаеть путь свой Августинъ различю бѣднымъ все-го, что имѣеть; такъ же начинаеть и Францискъ. Оба, загѣмъ, основываютъ «Братства нищихъ», строятъ для нихъ пустыньки, одинъ — на «Частицѣ Земли», въ Тагастѣ, а другой — на такой же «Частицѣ», въ Нортюнкулѣ, и оба умирають «блаженными нищими».

Очень вѣроятно, что Францискъ зналь незнакомы больше объ Августинѣ, чѣмъ тотъ — о немъ; но въ одномъ движеніи Духа къ «Царству» — «Раду Божію», — въ разрѣшеніи того, что мы называемъ такъ плоско и недостаточно «соціальной проблемой», — у нихъ обоихъ, такъ же, какъ у первыхъ учениковъ Господнихъ, въ Апостольской Общинѣ, — «одно сердце и одна душа».

VI.

«Я хочу, чтобы всѣ братья, не покладая рукъ, работали и заработокъ отдавали въ Общину — Коммуну», скажеть Францискъ; то же какъ будто могъ бы сказать, замѣнивъ только слово «братья» словомъ «товарищи», честный коммунистъ нашихъ дней (если только есть коммунисты честные), и даже сказать какъ будто могъ бы то же, но, на самомъ дѣлѣ, совѣтъ не то, и даже «антично-обратное» тому, что здѣсь говорить и дѣлаеть Францискъ: тотъ отнимаетъ у другихъ для себя, а этотъ — у себя для другихъ; тотъ явно отрицаетъ чужую собственность и тайно утверждаетъ — свою а этотъ свою — отрицаетъ и утверждаетъ — чужую.

«Я не хочу воровать, а если бы я не оглавлъ того, что имѣю, бѣднѣйшему, то былъ бы воромъ», — отвѣчаетъ Францискъ одному изъ братьевъ, когда тотъ убѣждаетъ его не отдавать полуголому нищему послѣдней теплой одежы, въ зимній холодъ. «Я не хочу воровать», — это и значить «собственность есть воровство». Это говорить св. Францискъ; говорить и всѣ «блаженные нищие» тѣхъ дней, но опять-таки совѣтъ, совѣтъ не такъ, и даже обратно тому, какъ это будетъ иькогда сказано.

«Будемъ грабить богатыхъ», — говорятъ коммунисты сейчасъ, а тогда говорили «бѣдныхъ грабить не будемъ» — «Воры вы!» — говорятъ бѣдные богатыхъ сейчасъ, а тогда говорили богатые бѣднымъ: «мы — воры!»

«Мы ничего не имѣемъ — всѣмъ обладаемъ», — могли бы сказать «блаженные нищие» тѣхъ дней, а нашихъ дней богачи

несчастные, въ томъ числѣ, и ограбившіе богачей, коммунисты, должны бы сказать: «всѣмъ обладаемъ — ничего не имѣемъ».

Всякому просящему у тебя давай, и отъ взявшаго у тебя не требуй назадъ (Лк., 7, 30).

«Этого сдѣлать нельзя», — говорятъ не только коммунисты, но и почти всѣ христіане нашихъ дней, или молча про себя думаютъ и дѣлаютъ; «этого нельзя не сдѣлать», — говорятъ «коммунисты» XIII-го вѣка, или тоже молча дѣлаютъ.

Равенство противъ свободы утверждаютъ коммунисты сейчасъ, а тогда утверждали свободу въ равенствѣ. «Будетъ общность труда, — будетъ и свобода», говоритъ Августинъ, и могли бы сказать «коммунисты» XIII-го вѣка; «будетъ рабство, — будетъ и общность труда», — могли бы сказать коммунисты нашихъ дней. Свободы, а значить, и личности, даже не отрицаютъ, не убиваютъ они, а просто не видятъ ихъ, проходятъ мимо нихъ, какъ мимо пустого мѣста; личности, можно сказать, только и видятъ «коммунисты» XIII-го вѣка, только и утверждаютъ личность въ обществѣ и общество — въ личности; одного — во всѣхъ, и всѣхъ — въ одномъ.

Надо ли говорить, какіе изъ этого различія слѣдуютъ необозримые выводы, вплоть до различія высшаго человѣческаго космоса отъ хаоса или, говоря на языкѣ Августина, — «Града Божія» отъ «Града Діавола»?

VII.

«Всякую зависть изгналъ онъ изъ сердца своего, кромѣ одной: видя бѣднѣйшаго, чѣмъ онъ, завидовалъ ему и, соперничая съ нимъ, боялся, какъ бы не быть побѣжденнымъ», — вспомнить о Францискѣ одинъ изъ его учениковъ.

Нашъ коммунизмъ — нищій Лазарь, который завидуетъ богачу, «пирующему каждый день блистательно», а «коммунизмъ» XIII-го вѣка — богачъ, который завидуетъ нищему Лазарю. Двигался міръ и тогда, какъ теперь, вѣчною завистью бѣдныхъ къ богатымъ, но къ ней прибавлялась тогда непостижимая для насъ, какъ будто противуестественная, зависть богатыхъ къ бѣднымъ: точно въ дѣйствіе земного притяженія вмѣшивалась сила притяженія какой-то иной планеты, нарушая законы нашей земной механики, — пусть только въ одной, почти геометрической, точкѣ, но вѣдь и этого достаточно, чтобы все на землѣ перевернуть вверхъ дномъ.

Этотъ противуестественной, какъ будто, завистью богатыхъ

къ бѣднымъ, великихъ — къ малымъ, «наименьшимъ», какъ назоветъ Францискъ учениковъ своихъ, «блаженныхъ нищихъ», — этою завистью одержимъ король Франціи, св. Людовикъ, «худенькій, тоненькій, какъ хворостинка, съ лицомъ ангельской прелести», вышедшій точно изъ легенды или раззолоченной заставки молитвенника, невозможный, какъ будто, въ исторіи, но вотъ, все же дѣйствительный. Только объ одномъ, кажется, и думаетъ онъ, — какъ бы, сойдя съ престола, сдѣлаться нищимъ; выронивъ скиптръ изъ руки, протянуть ее за милостыней.

Въ 1248 году, идучи въ Крестовый походъ, покидаетъ онъ великолѣпное шествіе вельможъ своихъ и рыцарей, сходитъ съ коня, снимаетъ доспѣхи и идетъ по дорогѣ, одинъ, «болѣе похожій на нишаго монаха, чѣмъ на рыцаря», — вспоминаетъ очевидецъ, тоже нишій монахъ. — «Гдѣ-то, на югѣ Франціи, зашелъ однажды король въ сельскую, бѣдную, немощеную церковку, сѣлъ на землѣ и сказалъ намъ такъ: «братья мои сладчайшіе, придите ко мнѣ, послушайте словъ моихъ!» И нишіе братья устали вокругъ нишаго короля, чтобы послушать словъ его, должно быть, о «блаженствѣ нищихъ».

Странствуя такимъ же нишимъ паломникомъ по многимъ христіанскимъ землямъ, пришелъ онъ въ одну обитель у города Перуджинъ, гдѣ жилъ, по смерти св. Франциска, одинъ изъ его любимыхъ учениковъ, братъ Эгидій; постучался въ ворота и, когда вышелъ къ нему привратникъ, попросилъ его вызвать брата Эгидія. Тотъ, хотя и не зналъ, кто стоитъ у воротъ, и не могъ бы узнать короля, потому что никогда лица его не видѣлъ, тотчасъ же угадалъ сердцемъ, что это онъ; кинулся къ нему со всѣхъ ногъ изъ кельи, палъ передъ нимъ на колѣни, — палъ и король такъ же; молча обнялись они, поцѣловались, и разошлись молча. — «Какъ же не сказалъ ты ни слова такому гостю!» — укоряли Эгидія братья. — «Что-жъ говорить? — отвѣтилъ тотъ. — Когда мы обнимались молча, я увидѣлъ сердце его, и онъ — мое».

Въ этомъ безмолвномъ объятіи нишаго монаха съ нишимъ королемъ, — весь XIII-ый вѣкъ — свѣтлѣющее небо Угренней Звѣзды — Франциска.

VIII.

Нишій король и папа, св. Целестинъ V, — тоже нишій; два «коммуниста», «противособственниковъ», во имя Христа: одинъ, — во главѣ государства, другой, — во главѣ Церкви. Этого

одного, пожалуй, достаточно, чтобы измерить всю глубину переворота или, по-вашему, «революции», которая могла бы тогда совершиться, если бы не была остановлена чьим-то, может быть, не внутренним, в ней самой, а внешним, в косности мира.

Что на-верху, то я вижу. «Братства нищих» — Альбигойцы, Катары, Вальденцы, Пагарины, Бѣдники Лионские, Униженные, и множество других, до Франциска «Братства Меньших», вместе с ним и после него, — возникают по всему христианскому Западу, от Венгрии до Испании, самозарождаясь независимо друг от друга, вспыхивая одновременно, как молнии, в противоположных концах неба, или языки пламени, в разных местах загорающегося дома.

Воля у всех одна: жить, по образу Апостольской Общины, так, чтобы «никто ничего не называл своим, но все у всех было общее». Движущая сила и цель у всех одна: «противособственность», «общинность», по исполненной с точностью (в этом для них главное), евангельской заповеди:

если хочешь быть совершенным... раздай нищим имение твое... и следуй за Мною (Мт., 19, 21).

Все они (кроме Катаров, еретиков нераскаянных, еще с V-го века) начинают с того, что идут в Церковь, а кончают тем, что бегут из Церкви, как из «места нечистого», где, по слову Данте, «каждый день продается Христос», и тысячами идут на костры Святейшей Инквизиции, умирая почти так же свято, как христианские мученики первых веков, за будущую Церковь — «царство Нищих Святых».

В их-то крови и будет потушен великий пожар, едва не охвативший весь христианский Запад, — то невообразимое для нас, для чего нет слов, кроме наших, недостаточных: «всемирная социальная революция».

Д. Мережковский.